

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.Г. Михайлова

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Михайлова Ирина Геннадьевна – доктор философских наук, член Ассоциации историков искусств и художественных критиков, профессор СПбГУ.

1. Методологический подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности

Изучение динамики воспроизводства моделей российской государственности в контексте социокультурной динамики потребовало нового методологического подхода к анализу специфики воспроизводства стабильной государственности в условиях отказа от доминирующей в обществе идеологии и доминирующего в коллективном сознании социального идеала с позиций синергетической философии истории. Настоящее исследование, посвященное изучению специфических закономерностей конструктивного и деструктивного опыта воспроизводства моделей российской государственности и формирования ориентирующих их социокультурных идеалов, базируется на методе дуальных оппозиций и законе самоорганизации социальных идеалов [8].

Специфику провозглашенного современной Российской Конституцией идеологического плюрализма, положившего конец единой государственной идеологии, составила интеграция российского общества в глобализационные процессы, под влиянием которых общество, ввергнувшее себя в состояние идеологического хаоса, столкнулось с угрозой частичной или полной утраты национальной и социокультурной идентичности, идеалов и провозглашаемых ими ценностей и последующей трансформации в социокультурную колонию мощных мировых держав с присущей им идеологической установкой [5, с. 356]. Именно поэтому степень адекватности представлений членов общества об объективной сущности глобализационных процессов и их влиянии на интегрирующееся в них российское государство определяет специфику

нового социального идеала, формирующегося в недрах пятой модели российской государственности [2].

2. Специфика воспроизводства моделей российской государственности

Результаты предпринятого нами анализа специфики воспроизводства моделей российской государственности позволили выявить три типа социокультурного воспроизводства: *статичное, конструктивно-динамичное и деконструктивное*.

• Статичное воспроизводство

Предполагает воспроизводство социокультурного опыта и традиционной эмоциональной доминанты социальных отношений на неизменном уровне и ориентировано на традиционные идеалы посредством выбора освоенных альтернативных решений, адаптации к формирующимся условиям, которые рассматриваются как объективно заданные субъектам воспроизводственного процесса. Воспроизводственная активность такого типа противостоит инновациям, противоречащим принятым в этом обществе поведенческим стереотипам, а неприятие инноваций определяется неспособностью членов сообщества оценить их конструктивный смысл. Характерный для традиционных цивилизаций (как сообществ с низким уровнем развития рефлексивных способностей их членов) статичный тип воспроизводства является мощным фактором торможения саморазвития социального субъекта, поскольку признаваемые таким обществом инновации редуцируются к формальной модернизации, неизбежно трансформирующейся в «традиционализирующую модернизацию», использующую инновации только для воспроизводства традиции.

• Конструктивно-динамичное воспроизводство

Предполагает интенсификацию воспроизводственной активности и развитие инноваций в качестве важнейшей ценности, обеспечивающей опережающее развитие культуры по сравнению с историческим опытом. Специфика такого типа воспроизводства определяется спецификой соответствующей ему культуры, обусловленной ориентирующими социокультурными идеалами, позволяющими уже в недрах статичного типа генерировать эмбрион качественно новой, нетрадиционной, либеральной суперцивилизации, ориентированной на контридеал нелиберального человека [3, с. 56].

• Деконструктивное воспроизводство

Ориентированное на антиидеалы и провозглашаемые ими антиценности, характеризуется не только недостаточным развитием способности субъектов воспроизводственного процесса к преодолению внутренних и внешних противоречий и их своевременной профилактике, но и ярко выраженной тенден-

цией к минимизации уровня интенсивности воспроизводства и росту деконструктивных инноваций в культуре. Специфика этого типа определяется спецификой деструкции культурных смыслов, свидетельствующей об отставании культуры субъектов воспроизводственной деятельности от уровня усложняющегося воспроизводства накопленного культурного опыта и социальных отношений. Социокультурное противоречие, генерируемое деконструктивным воспроизводством, отличается дуальной природой: с одной стороны, оно выступает как конструктивный, динамический фактор общественного развития, ориентированный на социокультурные идеалы, а с другой – как деструктивный, энтропийный механизм, ориентированный на антиидеалы и антикультуру.

Играя созидательную роль посредством ориентации субъектов на культивирование их способности к противостоянию энтропийным процессам, дезорганизации и хаосу, деконструктивная напряженность в то же время генерирует раскол, трансформируясь в разрушительный механизм, вследствие утраты субъектами воспроизводственного процесса присущей им способности удерживать дезорганизацию на некотором допустимом уровне, не нарушающем единство сообщества и сохраняющем его интеграцию. И хотя эмбрион раскола начал развиваться еще в недрах первой, соборной модели российской государственности, мы не рассматриваем явление раскола ни как неотъемлемую составляющую традиционной русской культуры, ни как цивилизационное качество российской государственности. Мы предлагаем переосмыслить проблему раскола с позиций синергетического историзма, как проблему формирования способности субъектов воспроизводственного процесса к генерированию и воспроизводству функционального порядка, адекватного социокультурным потребностям общества. Проблема приобретает все большую актуальность в условиях, когда нормой становится извращенная форма порядка, смещенная либо к полюсу культа свободы (с присущими ему анархией и дезорганизацией), либо к полюсу культа ответственности (с присущей ему репрессивной формой саморазрушающегося порядка). Субъект воспроизводственного процесса, оказавшийся в условиях расколотого общества и вынужденный адаптироваться к ним, чтобы выжить, попадает в межполюсное пространство дуальной оппозиции «конструктивная напряженность – деконструктивная напряженность», которая формирует его поведенческие стереотипы, характеризующиеся дуальной, конструктивной и деконструктивной природой. Подобная ситуация вынуждает субъекта культурного процесса к поиску индивидуальной меры синтеза свободы и ответственности, способной обеспечить ему воспроизводство его ментальной активности в дезорганизованном социокультурном пространстве. Тем самым, достигаемая им мера синтеза свободы и ответственности изначально предусматривает нарушение традиционных этических и правовых норм. И по-

сколько контрэтические нормы находятся еще в стадии своего эмбрионального развития, пятая, гибридная модель российской государственности, провоцирует субъектов воспроизводственной деятельности к нарушению закона и этических норм, следствием чего становится, с одной стороны, утрата членами сообщества понятия «отклонение от общественных и правовых норм», а с другой – отождествление понятий «выживание» и «нарушение правопорядка» вследствие конфликта императивов жизнеобеспечения с этическими правовыми императивами.

3. Исторический опыт воспроизводства моделей российской государственности и его уроки

Результаты предпринятого нами детального анализа динамики воспроизводства российской государственности [4, с. 455] свидетельствовали о том, что первая, соборная модель российской (Киевской) государственности, характеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой был ориентирован на соборный идеал, воплощаемый Всенародным вече, а другой – на авторитарный, воплощаемый княжеской властью. Традиционный, соборный идеал, в качестве носителя локализма ориентировавший традиционное общество на политику интеграции посредством эмоциональной доминанты социальных отношений, создавал предпосылки для последующего раскола общества на регионы, страты и группы, насаждая статичное воспроизводство, препятствующее процессу интенсификации и несущее серьезную угрозу выбросов эмоциональной агрессивности в отношении членов других локальных сообществ внутри государства. Это, в частности, объясняет что сформировавшаяся на Руси первая модель государственности оказалась не в состоянии обеспечить интеграцию большого общества из-за низкого уровня рефлексии его членов, не готовых к воспроизводству подобной интеграции. Распад этой первой модели в 1132 г. обусловил первую в российской истории национальную катастрофу [7, с. 25–26].

Вторая, авторитарная модель российской (Московской) государственности, восходила к периоду правления Ивана I Калиты (1328–1341), который экстраполировал авторитарные принципы, присущие княжескому уделу, на государство. Эта вторая модель была ориентирована на авторитарный идеал, с одной стороны, насаждавший политику поиска дополнительных территориальных и человеческих ресурсов посредством военной экспансии, а с другой – требовавший преодоления локализма и перехода от эмоциональной доминанты социальных отношений к абстрактно-интеллектуальной. Однако присущее этой модели динамичное воспроизводство, нацеленное на развитие инноваций, противоречило требованиям авторитарного идеала, который, вследствие своей производной от синкретического вечевого идеала природы,

ориентированной на статичное воспроизводство, в то же время служил серьезным препятствующим фактором на пути реализации конструктивных творческих инноваций.

Несостоятельность второй, авторитарной модели российской государственности, оказавшейся не готовой к воспроизводству феодальной договорно-правовой системы, со всей очевидностью проявилась в процессе решения проблем формирования профессионального бюрократического аппарата и юридического оформления прав на частную собственность. Московская однополюсная («отцовская») модель государственности не справилась с задачей обеспечения консолидации общества на основе религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, что послужило одной из основных причин Смуты (вследствие угасания династии Рюриковичей после смерти Фёдора Иоанновича, не оставившего наследников), окончательно подорвавшей устои авторитарной Московской государственности и не только ознаменовавшей вторую в российской истории национальную катастрофу, но и заложившей тенденции дальнейшего развития третьей модели, эмбрион которой начал формироваться еще в недрах распадающейся Московской государственности [7, с. 26–29].

Третья, самодержавно-милитаристская модель российской (Романовской) государственности, характеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой провозглашал принцип самодержавной власти, ориентированной на единоначалие, а другой – коллегиальный принцип управления, реализуемый посредством привлечения аристократии и призванный гарантировать защиту от самодержавного произвола. Однако заложенный в основу третьей модели авторитарный идеал воспрепятствовал сосуществованию нескольких субъектов и обеспечению правового регулирования отношений между ними, перекрыв этой модели еще на стадии ее эмбрионального развития конструктивный путь к воспроизводству правового порядка. Замена религиозной составляющей авторитарного идеала утилитарной хоть и способствовала подрыву нерасчлененной целостности культурных стереотипов, насаждала тем не менее альтернативный выбор деконструктивного пути огосударствления частных интересов, которое препятствовало не только управлению ими с помощью закона, но и развитию у членов сообщества государственной ответственности. Насаждая путь экстенсивной (а не интенсивной) модернизации, реализуемой государством милитаристской (а не капиталистической) индустриализации, ориентированной на заимствование западноевропейских инноваций без соответствующего развития способности членов сообщества к осмыслению потребности в их воспроизводстве, государственный утилитаризм препятствовал обеспечению внедряемых инноваций человеческими ресурсами.

Авторитарно-либеральный идеал, который воспроизводился третьей моделью самодержавной государственности, способствовал трансформации народного полюса власти (в соответствии с принципом демилитаризации) в придаток однополюсной модели (в соответствии с принципом самодержавия) посредством делегирования сословиям дворянства и городских мещан прав самоуправления и самоорганизации. Специфика демилитаризованной государственности определялась условностью закона, имитация которого выражалась в локальной избирательности права, препятствовавшей утверждению принципа законности в качестве универсального регулятора, который бы обеспечивал формирование у членов сообщества соответствующего уровня правосознания. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала обеспечивал верховную власть гарантией привилегий неограниченности, которые лишали принцип законности его универсального значения, превращая коррупцию дворянской бюрократии в сопутствующий фактор воспроизводства стабильной государственности. Тем самым, авторитарно-либеральный идеал насаждал не менее уродливый синтез воспроизводства статичного (крепостная система), динамичного (ориентация на инновации, не обеспеченные человеческими ресурсами) и деконструктивного (имитация закона вследствие отрицания универсального принципа законности в качестве правового регулятора воспроизводственных отношений). Эта третья модель российской государственности не замедлила продемонстрировать свою несостоятельность уже в начале радикальных преобразований Александра II, направленных на переход к универсальным принципам законности и права, вследствие социокультурных противоречий, обусловленных дуальной оппозицией, один полюс которой был ориентирован на либеральную европейскую культуру, другой – на воспроизводство общинно-вечевой культуры, а межполюсное пространство – на компромисс с целью устранения нависшей угрозы протеста низших сословий и интеллектуальной элиты (интеллигенции) против самодержавной политики консервативной стабилизации. Окончательному распаду этой модели способствовало ограничение процесса ее самовоспроизводства условием подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, которое ознаменовало третью российскую национальную катастрофу [7, с. 28–30].

Четвертая, тоталитарная модель российской (советской) государственности, начавшая формироваться в недрах третьей, самодержавной модели, была изначально ориентирована на расторжение политической связи с доминировавшей в обществе догосударственной культурой и ее идеалами. Эта модель предполагала самовоспроизводство в соответствии с требованиями тоталитарного идеала, продуцировавшего синтез статичного, динамичного и деконструктивного воспроизводств в условиях сакрализации гиперлидера,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

власть которого не подчинялась закону и не легитимизовалась ни именем Бога, ни принадлежностью к монархической династии. Заимствование универсальных юридически-правовых абстракций второго осевого времени позволяло, с одной стороны, провозглашать равенство членов сообщества перед законом и их равные социальные и политические права, а с другой – ограничивать юридический универсализм таким образом, чтобы он не распространялся на коммунистическую партию и ее вождя, наделенного неотчуждаемым правом быть освобожденным от всех государственных постов. Возведение гиперидеала в ранг всеобщего исторического закона гарантировало юридически надзаконной власти коммунистической партии конституционный статус, а насаждаемая тоталитарным идеалом надконфессиональная и надэтническая идентичность обеспечивала воспроизводство надконфессиональной коллективной и наднациональной (надэтнической) идентичности. В качестве производного авторитарного идеала, составлявшего основу тоталитарной модели государственности, гиперидеал декларировал абсолютизацию относительного (частночеловеческого) идеала посредством передачи ему качеств абсолютного и гарантии его реализации в обозримом будущем. Подобная абсолютизация относительного идеала способствовала отождествлению утилитарного (политического) и духовного (эстетического) идеалов, активизируя процессы политизации культуры и эстетизации политической деятельности. Распаду четвертой, тоталитарной модели советской государственности и свержению четвертой в России национальной катастрофы способствовала утрата актуальности сакральными методами легитимации институтов власти. Двойной синтез принципов коллективного и авторитарного руководства, с одной стороны, и составляющих утилитарного и социалистического идеалов – с другой, объяснялся потребностью в моделировании аналога модели западного общества массового потребления. Крах четвертой модели российской государственности обусловил выбор Россией реформаторского (по сравнению с административно-командным) пути, ориентированного на синтез советского социализма с демократией и правовой государственностью [7, с. 30–32].

Пятая, гибридная модель российской государственности, с присущей ей имитацией процедуры всеобщего представительства, стала производным синтеза советских методов правовых имитаций с демократией и правовой государственностью. После краха коммунистического пути цивилизационного самоопределения, эта модель может рассматриваться в качестве переходной в межполюсном пространстве кардинальной дуальной оппозиции «традиционная суперцивилизация – либеральная суперцивилизация».

Прототипами пятой модели служили Новгородская и Галицко-Волынская олигархо-демократические двухполюсные модели [1, с. 110–111]. Однако, в отличие от пятой, двухполюсной модели, ориентированной, с одной стороны,

на авторитарный идеал, а с другой – на либерально-демократический идеал, Новгородская и Галицко-Волынская модели ориентировались на соборно-вечевой идеал, олицетворяемый Всенародным вече, с одной стороны, и на авторитарный идеал, воплощаемый княжеской властью, – с другой. Специфическую особенность всех этих моделей составляет третий фокус, который формируется в межполюсном пространстве дуальной оппозиции «вечевой / либерально-демократический идеал – авторитарный идеал», в качестве представителей немногочисленной группы олигархов, при политически и экономически бессильном авторитарном полюсе (централизованной власти) получающих возможность манипулировать демократическими институтами в своих (частных) интересах, подрывающих интеграцию большого общества (государства). И поскольку частные интересы олигархов, ориентированных на утилитарные идеалы, вступают в ожесточенную борьбу (что в условиях воспроизводства олигархического управления неизбежно даже в том случае, если оно легитимируется демократическими институтами в виде коллегияльных органов управления, подобных всенародному вече или парламенту с присущими им методами принятия решений), политическая консолидация может достигаться только посредством идеи сохранения национальной и цивилизационной идентичности, объединяющей все слои и страсти расколотого общества в условиях формальной внутренней интеграции. Тем самым, к конструктивному воспроизводству такие модели оппозиционирования двух политических субъектов не готовы уже вследствие изначально заложенной в их основе максимальной автономии при слабом государственной центре.

Вследствие утраты актуальности либеральным, тоталитарным и анархистским идеалами производным нового либерального синтеза в российских условиях, согласно концепции синергетического историзма, становится идеал неолиберального человека, адаптированный к новым социальным условиям и гарантирующий воспроизводство качественно новой модели стабильной государственности. Специфика этого либерального (оптималистского) идеала, обусловленная социальной ролью демократического государства, нацеленного, с одной стороны, на принцип защиты прав и свобод каждого гражданина (принцип индивидуализма), а с другой – на принцип социальной справедливости в отношении всех граждан (принцип коллективизма) [6, с. 422–423], определяется следующими факторами.

– Реализацией принципа конструктивной духовности, ориентированного на создание оптимальных условий для духовного творчества членов сообщества на пути к общечеловеческому, глобальному идеалу с целью конструктивного воспроизводства провозглашаемых им общечеловеческих ценностей.

– Реализацией принципов индивидуализма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной свободы самоопределения членов сообщества) и коллективизма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной ответственности членов сообщества за преодоление негативных последствий обусловленного свободой социального неравенства) посредством экономических (а не административно-командных) методов.

– Достижением меры синтеза прав и обязанностей (свободы и ответственности), предполагающей учет принципа конвергенции обязательств, принимаемых членами сообщества, в форме отказа от любых обязательств, которые препятствуют исполнению ими других обязательств, исключают воспроизводство их прав или ущемляют права других членов сообщества [3, с. 56–59].

4. Заключение

Предлагаемый с позиций синергетической философии истории подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности и специфических закономерностей формирования нового либерального российского идеала последовательно демократического общества позволил нам сделать выводы, имеющие важное методологическое значение для исследования механизмов воспроизводства моделей государственности и ориентирующих их социокультурных идеалов, определяющих пути цивилизационного самоопределения.

1. Результаты предпринятого нами анализа специфической природы социокультурных противоречий, характеризующих пятую модель российской государственности, подтвердили гипотезу о том, что основной причиной практического бездействия воспроизводимых ею механизмов контроля служат социокультурные противоречия, обусловленные трансформацией социокультурных стереотипов (эффективных только в условиях воспроизводства традиционной культуры) в деконструктивные. Производным ожесточенной борьбы социокультурных идеалов и уродливого синтеза светской и духовной идеологий служит социальная патология, причины которой заключаются, с одной стороны, в катастрофическом снижении способности членов российского сообщества к конструктивному воспроизводству необходимого минимума ресурсов для обеспечения оптимальных условий выживания и предотвращения роста социальной энтропии, а с другой – в чудовищном росте диспропорций административной структуры, утратившей свою производственную способность и подменившей содержание производственной деятельности выхолащивающими ее актами, позволяющими утверждать одни формы деятельности не только за счет других форм, но и в ущерб экономическому и культурному развитию общества в целом.

2. Прослеживаемая неспособность пятой, олигархо-демократической модели российской государственности к противостоянию деструктивным процессам, которые достигли уровня, угрожающего не только отрицанием социокультурного закона, разрушением национальной и цивилизационной идентичности, но и пятой национальной катастрофой, ставит российское общество перед решением фундаментальной проблемы генерирования и воспроизводства социального порядка. Актуальность этой проблемы возрастает по мере возникновения опасных тенденций к воспроизводству социального порядка посредством возврата к освоенной в условиях советской модели государственности тоталитарной форме «Большого террора».

3. Поскольку большое общество (государство) воспроизводит себя в постоянном поиске меры синтеза логических полюсов абсолютного порядка (культ ответственности) и хаоса (культ свободы), оно подвергается риску социокультурного раскола, специфика которого определяется дуальной природой конструктивной напряженности, позволяющей конструктивному фактору ее динамики трансформироваться в механизм самодеструкции, провоцирующий членов расколотого сообщества, ориентированных на оппозиционные социокультурные идеалы (или антиидеалы), к саморазрушительной борьбе друг с другом. Одной из основных причин такого раскола, согласно концепции синергетического историзма, служит самодостаточность составляющих социального субъекта (в особенности, элементов олигархических структур), не заинтересованных ни в конструктивном воспроизводстве, ни в обеспечении интеграции общества.

4. Дифференциация культуры, социальных связей и политических структур, в качестве неотъемлемой составляющей динамического процесса развития пятой модели российской государственности, не обеспеченной ни этической (идеологической), ни правовой, ни культурной формами легитимации, вряд ли могла не стать источником постоянных конфликтов. Поляризованная российская культура, искусственно лишенная промежуточных форм, наполняющих и структурирующих социокультурное пространство российской государственности, предопределила ожесточенный социокультурный конфликт, обострившийся до угрозы саморазрушения инкорпорированных в него составляющих социального субъекта. И хотя подобный конфликт может быть присущ любому, даже самому модернизированному обществу (в качестве производного синтеза традиционной и прогрессивной составляющих его культуры), в пятой модели российской государственности он не только глобализовался, но и в ходе своего самовоспроизводства генерировал социальную патологию в виде некоторого функционирующего механизма дезорганизации (хаоса), разрушающего сообщество. Производным подобного конфликта послужила инкорпорированность всего сообщества (с присущими ему культурой, социальными отношениями и управлением) в его глобальное

антисоциокультурное пространство, генерирующее тенденции к выбору деконструктивного пути цивилизационного самоопределения.

5. В условиях синтеза традиционной и либеральной суперцивилизаций, с присущим ему уродливым сплавом статичного и деконструктивного воспроизводства, конструктивные прогрессивные тенденции оказались не в состоянии справиться с двухфокусной структурой государственного и олигархического управления, обеспечить поступательное движение и воспроизвести объективно необходимое культурно-нравственное основание, без которого немыслима современная либеральная цивилизация, ориентированная на либеральный идеал.

6. Стремление пятой модели российской государственности к обеспечению консолидации расколотого общества на основе новой религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, демонстрирует свою очевидную несостоятельность в условиях затяжных локальных войн (уроки второй, авторитарной Московской государственности).

7. Прослеживаемые тенденции пятой модели российской государственности к выбору альтернативного пути самовоспроизводства посредством подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, с одной стороны, и синтеза его авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих – с другой, подтверждают свою несостоятельность в условиях постоянно углубляющегося раскола большого общества (уроки третьей, самодержавной российской государственности).

8. Стремление к ограничению авторитарной власти конституционными законами обуславливает сохранение условности закона, имитация которого выражается в локальном избирательном праве, препятствующем воспроизводству принципа законности в качестве универсального регулятора, обеспечивающего соответствующий уровень правосознания членов сообщества. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала лишают принцип законности его универсального значения, трансформируя коррупцию административной бюрократии в неизбежный сопутствующий фактор воспроизводства пятой модели российской государственности.

9. Конструктивное воспроизводство шестой, гипотетической, оптимальной модели российской государственности предполагает ориентацию на новый либеральный российский контридеал и базируется, согласно концепции синергетического историзма, на двух фундаментальных принципах последовательно демократического общества.

– Принцип синтеза свободы и ответственности (прав и обязанностей), исключаящий как односторонний культ свободы (доминанты прав над обязанностями), характеризующий ментальную активность членов общества

массового потребления, так и односторонний культ ответственности, характеризующий ментальную активность членов тоталитарного общества.

– Принцип доминанты духовных идеалов и провозглашаемых ими ценностей над утилитарными и их трансформации в главный стратегический ориентир глобального общества, предполагающий подход к утилитарным ценностям не как к цели, но как к инструменту для формирования новых духовных ценностей и воспроизводства накопленного социокультурного опыта.

Литература

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: Конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. – С. 110–111.
2. Бранский В.П. Глобализация и формирование нового российского идеала // *Цивилизация: Вызовы современности*. Сб. статей под ред. М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во СПб. университета, 2009. – С. 143–162.
3. Бранский В.П., Михайлова И.Г. Самоорганизация в социокультурной динамике воспроизводства российской ментальности // *Мир психологии*. – 2011. – № 92. – С. 56.
4. Михайлова И.Г. Динамика воспроизводства российской государственности и ее взаимообусловленность спецификой российской ментальности // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 455.
5. Михайлова И.Г. Социокультурная динамика воспроизводства российской ментальности и новый российский либеральный идеал // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 7. Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 356.
6. Михайлова И.Г. Специфика российской ментальности: Идеалы и их роль в социокультурной динамике российского общества // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 4. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 422–423.
7. Михайлова И.Г. Российская государственность: Социокультурная динамика прорывов и катастроф // *Философские исследования*. – 2009. – № 3–4. – С. 25–26.
8. Синергетическая философия истории: Коллективная монография под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань, 2009. – С. 93–113.